

Vladimir Paperni

Антимедицинские мотивы в романе
Льва Толстого «Война и мир»

А. Вступление: тема

Лев Толстой на протяжении своей долгой жизни много раз болел — разными болезнями. И всегда рядом с ним были врачи. Особенно много врачей собралось у его постели, когда он умирал. А после его смерти врачи много писали и о болезнях самого Толстого, и о болезнях его персонажей, со «словесьями и похвалами» отзываясь о медицинской проницательности Толстого. Из уважения к Толстому его нападки на медицину и врачей при этом тактично обходились или сглаживались, зато подчеркивался его вклад в медицину и деонтологию, ценность его выступлений против алкоголизма, против употребления соски при вскармливании младенцев, и т. п.¹

Толстой постоянно и открыто, в частном порядке и публично выражал свое крайнее недоверие медицине и врачам. Вместе с тем в своем повседневном поведении больного он был покладистым и дисциплинированным пациентом, аккуратно исполнявшим предписания врачей. Его личное отношение к лечившим его врачам отличалось величайшей любезностью. В последние годы жизни Толстого в его доме в Ясной Поляне жил его личный врач — Д. П. Маковицкий. Все это,

© Vladimir Paperni, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ «Медицинская литература» о Толстом весьма обширна. Выборочный обзор этой литературы, а также характерный образец восприятия «медицинского аспекта» творчества Толстого врачом см., например, в очерке «Медицинские темы в творчестве Л. Н. Толстого» в кн.: Е. И. Лихтенштейн. Помнить о больном. Киев, 2012, с. 17—40.

однако, не отменяло, но лишь особым образом оттеняло принципиальное неприятие Толстым медицины. Причины этого неприятия не были каким-то экзотическим капризом Толстого: они скрывались в некоторых глубинных и кардинальных особенностях его отношения к миру и жизни.

Датированная 17 марта 1847 г. первая запись Толстого в его Дневнике, запись, с которой, собственно говоря, и начинается Толстой — писатель и мыслитель, гласит: «Вот уже шесть дней, как я поступил в клинику, и вот шесть дней, как я почти доволен собою. *Les petites causes produisent de grands effets*. Я получил *Гоаннарею*, понимается от того, от чего она обыкновенно получается; и это пустое обстоятельство дало мне толчок, от которого я стал на ту ступень, на которой я уже давно поставил ногу (...). Здесь я совершенно один, мне никто не мешает, здесь у меня нет услуги, мне никто не помогает — следовательно, на рассудок и память ничто постороннее не имеет влияния, и деятельность моя необходимо должна развиваться. Главная же польза состоит в том, что я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть ничто иное, как следствие раннего разврата души» (46, 3)². Эта запись очень характерна для Толстого — как тем, что в ней присутствует, так и тем, что в ней отсутствует. Присутствует и доминирует в ней мотив полезности болезни как стимула к нравственному и интеллектуальному прозрению. Отсутствует в ней всякое упоминание о лечении и излечении от болезни, как о вещи несущественной.

Через полвека после той первой дневниковой записи, будучи уже семидесятипятилетним стариком, Толстой высказал сходную мысль в притче «Труд, смерть и болезнь» (1903). В ней говорится, что болезни были посланы людям Богом, чтобы соединить их в любви. Это было «последнее средство», употребленное Богом после того, как труд и подверженность человека смерти в каждый момент его жизни, которые были посланы Богом с той же целью, не соединили, а еще больше

² Так здесь и далее указываются номер тома и страницы по изд.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. В 90 т. Юбилейное издание. М.; Л., 1928 — 1958. Курсив в цитате принадлежит Толстому.

разделили людей. Но люди вновь обратили во зло полученный ими дар Бога, и их жизнь «стала еще хуже». Те из них, которые «захватили власть» над другими людьми, стали принуждать других людей ходить за ними. А для больных они создали «такие дома, где больные страдали и мерли без участия жалеющих их людей, а на руках наемных людей, ходивших за больными не только без жалости, но и с отвращением». «Только в самое последнее время стали некоторые из них (людей — В. П.) понимать (...), что болезни не только не должны быть причиной разделения, а, напротив, должны быть причиной любовного общения людей между собой» (34, 131—133). Приведенное моралистическое построение Толстого основано на предпосылке, что излечение людей не находится во власти самих людей, что их здоровье и нездоровье находятся в руках Бога. Из этой предпосылки естественно вытекает заключение, что медицина не может быть результативной. Вместе с тем оказание медицинских услуг может оказаться нравственно оправданным, если оно мотивировано любовью и заботой. На этих соображениях строилась развивавшаяся Толстым теория о смысле болезней, ухода за больным и медицины. На этих соображениях строилась и логика поведения Толстого-пациента, принимавшего медицинские услуги именно и только в качестве проявлений любви и заботы.

Как это будет ясно видно из дальнейшего, многие элементы упомянутой теории, которая окончательно сложилась лишь у позднего Толстого, обнаруживаются уже в его романе «Война и мир». Ни подробный анализ этой теории, ни анализ ее развития, ни анализ ее отражений во всех тех многочисленных литературных текстах Толстого, которые с ней связаны, не входят в число задач настоящей работы. Ее задача является гораздо более ограниченной: описать, по возможности полно, *мотивные вариации* антимедицинской темы в тексте «Войны и мира», в частности, те из них, которые ассоциированы с другими темами романа. Вместе с тем уже здесь, в самом начале, я хотел бы обратить внимание на исключительно важный для понимания антимедицинской темы романа эпизод. Этот эпизод — помещенный в конце 4 тома романа рассказ о тяжелой болезни Пьера Безухова, которая привела его на грань смерти.

Болезнь Пьера — последнее звено в той цепи встреч со смертью, которые автор заставил пережить своего героя. Во время войны 1812 г. Пьер стал свидетелем смерти множества других людей. Он видел массовую гибель солдат на батарее Раевского в ходе Бородинского сражения. Он видел расстрел французами заключенных в Москве. Он видел, как французы, гнавшие, отступая, русских пленных на запад, пристреливали тех из них, кто ослабел и уже не мог продолжать путь (среди них был и полюбившийся Пьеру Платон Каратаев). И вот теперь, по воле автора, герой пережил свое собственное умирание. Как и предшествующие встречи героя со смертью, его болезнь и выздоровление описаны в романе как своего рода инициация, как прохождение героя через «временную смерть» и его последующее новое рождение/воскресение³. Ставший «новым человеком», «воскресший» герой предстает как обретший Истину, обретший Бога: «То самое, чем он прежде мучился, чего он искал постоянно, цель жизни, — теперь для него не существовала. (...) Он не мог иметь цели, потому что он теперь имел веру, — не веру в какие-нибудь правила, или слова, или мысли, а веру в живого, всегда ощущаемого Бога. Прежде он искал его в целях, которые он ставил себе. Это искание цели было только искание Бога; и вдруг он узнал в своем плену (...) то, что ему давно говорила нянюшка: что Бог вот Он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной. (...) Прежде разрушавший все его умственные постройки вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос: зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека» (12, 205—206).

³ Об инициационной тематике в «Войне и мире» подробнее см. в моей статье: В. Паперный. Лев Толстой и мистицизм. — Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы международной научной конференции. / Сост. Е. Д. Толстая. М., 2013, с. 157—176.

Б. Вариации: мотивы

Антимедицинская тема в «Войне и мире» будет описываться в настоящей работе как комплекс, состоящий из четырех основных отдельных мотивов, каждый из которых, в свою очередь, будет представлен как серия вариаций. Разумеется, предлагаемая мною конструкция является лишь инструментом анализа. Она способна отразить реальные черты толстовского текста, в котором различные мотивы переплетены друг с другом и не выступают в чистом виде, лишь в достаточно упрощенной форме. Вместе с тем, с помощью этой конструкции можно, как мне кажется, понять в тексте «Войны и мира» весьма многое.

1. Мотив бессилия врачей

Наиболее часто повторяющаяся вариация мотива бессилия врачей в сюжете «Войны и мира» — их неспособность определить болезнь. После ранения князя Андрея на Аустерлицком поле «сам Ларрей, доктор Наполеона», предсказывает, что он не выживет, поскольку он субъект «нервный и желчный» (9, 356). Похожий диагноз ставит старому князю Николаю Болконскому Метивье — «французский доктор, огромный ростом, красавец, любезный, как француз, и, как говорили все в Москве, врач необыкновенного искусства». «Не веривший в медицину» деспотичный старик, по какому-то капризу приблизивший Метивье, тоже по капризу выгоняет его из своего дома, да еще и объявляет французским шпионом. Но Метивье остается спокойным и сразу же невозмутимо дает происшедшему научное объяснение: «la bile et le transport au cerveau» — желчь и прилив к голове (10, 303). Когда после плена тяжело заболевает Пьер Безухов, врачи ставят диагноз: «желчная горячка» (12, 203). Как прогноз Ларрея, так и диагнозы, поставленные Метивье старику Болконскому и лечившими его врачами Пьеру у Толстого пародийны, и острие пародии Толстого направлено на вполне конкретные особенности диагностики изображаемой в романе эпохи. Толстовские персонажи-врачи исходят из дожившей до XIX в. гумораль-

ной теории, возникшей еще в античности. При этом они проявляют странную склонность повсюду видеть присутствие одного из четырех «гуморов» — желтой желчи (лат. «chole»), т. е. определять всех своих пациентов как холериков. Их диагнозы предстают поэтому как произвольные, заведомо ложные, бессмысленные и смешные.

Бессилие врачей проявляется и в страхе, которым сопровождается их деятельность, когда они имеют дело со смертью. После смерти в родах маленькой княгини не сумевший спасти ее «доктор, с засученными рукавами рубашки, без сюртука, бледный и с трясущейся челюстью вышел из комнаты» (10, 41). «Был бледен и дрожал» один из докторов, которые в полевом госпитале отрезали ногу Анатолю Курагину. Врач, который на соседнем столе делал операцию князю Андрею, также испытывает страдание. Начиная операцию, он «взглянул в лицо князя Андрея и поспешно отвернулся». Он «тяжело вздохнул», ощупывая его рану. Когда операция закончилась, он «молча поцеловал его в губы и поспешно отошел». При этом то, что этот сердобольный доктор проделал над князем Андреем, описано в тексте как нечто ужасное и жестокое — как причинение боли (уже в самом начале операции князь Андрей от боли теряет сознание) и как растерзание тела («разбитые кости бедра были вынуты, клоки мяса отрезаны, и рана перевязана»). Толстой связывает жестокость действий врачей не с их личными качествами, а с медициной как таковой. При этом он не находит нужным ввести в текст «Войны и мира» какие-либо специальные оговорки исторического характера, которые «оправдывали» бы медицинскую жестокость изображаемой им эпохи отсутствием возможности применять анестезию. В романе медицина выступает как одно из проявлений насилия над человеческим телом — насилия, которое может быть настолько ужасным, что применяющие его врачи, будучи живыми людьми, с трудом способны его переносить. Медицинское насилие над человеческим телом Толстой осуждает абсолютно и безоговорочно и вне всякой связи с тем или иным возможным ответом на прагматический вопрос о том, способно ли такое насилие принести пользу пациенту. Вместе с тем и в данном эпизоде Толстой не забывает

подчеркнуть, что страдания и боль, прережитые пациентом, князем Андреем, оказываются для него нравственно очистительными и в этом смысле полезными. После перенесенной им операции князь Андрей испытывает ощущение счастья возвращения в детство, он вспоминает и вновь переживает свою любовь к Наташе Ростовой, и он не только прощает соблазнителя Наташи Анатоля, которого прежде он ненавидел и хотел убить, но и чувствует «восторженную жалость и любовь» к этому своему врагу (11, 254—256).

Мотив бессилия врачей является центральным в маленьком антимедицинском памфлете, который включен автором в его рассказ о болезни и лечении Наташи Ростовой (11, 66—68). После измены жениху, после неудачной попытки бежать с Анатодем Курагиным Наташа заболевает. Ее долго и безуспешно лечат. Ее врачи чувствуют свое бессилие, а один из них прямо говорит, что болезнь ее «больше нравственная», т. е. к медицине отношения не имеющая. Тем не менее, врачи все же продолжают лечить Наташу, прописывая ей все новые и новые лекарства. По этому поводу автор говорит, что врачам «не может быть известна ни одна болезнь, которою одержим живой человек: ибо каждый живой человек имеет свои особенности и всегда имеет особенную и свою новую, сложную, неизвестную медицине болезнь, не болезнь легких, печени, кожи, сердца, нервов и т. д., записанную в медицине, но болезнь, состоящую из одного из бесчисленных соединений страданий этих органов». Однако, продолжает автор, «эта простая мысль не могла приходить докторам (как не может притти колдуну в голову мысль, что он не может колдовать)». Это уподобление медицины колдовству появляется у Толстого закономерно: как мыслитель, прошедший школу Просвещения, Толстой воспринимал медицину своей эпохи, оперировавшую архаическими мифологическими представлениями, как коллекцию предрассудков, — таких же, на каких основано и колдовство.

В рассказ о посещении Николаем Ростовым военного госпиталя введена комическая фигура бессильного врача, который не только не лечит больных, но и сам удивляется тому, что уцелел в окружении тифозных больных. Этот врач «с ви-

димым удовольствием» говорит: «Тиф, батюшка. Кто ни взойдет — смерть. Только мы двое с Макеевым (он указал на фельдшера) тут треплемся. Тут уж нашего брата докторов человек пять перемерло. Как поступит новенький, через недельку готов» (10, 133).

«Бог помилует, никогда дохтура не нужны», — говорит старая няня Савишна, живущая в доме Болконских (10, 38). «Да и потом, что за воображение, что медицина кого-нибудь когда-нибудь вылечивала! Убивать — так!» — Говорит князь Андрей, вспоминая о помощи, которая была оказана акушером его рожавшей жене (10, 112). Такова же и заявленная в романе позиция автора.

2. Мотив алчности врачей.

В черновиках 1 тома «Войны и мира» содержится весьма выразительный набросок сцены совещания врачей, собравшихся на галерее дома умирающего старого графа Безухова (он здесь еще именуется «Безухой»). В этой сцене врачи предаются, под видом консилиума, праздным разговорам. Они говорят «между собой по-французски, не находя нужным ломать язык по латыни, которую они все перезабыли». В дом графа их привело стремление заработать деньги. Один из них настолько глубоко погружен в соображения, «сколько ему дадут за консультацию у такого богача», что не в состоянии даже прислушаться к беседе своих коллег. Врачи, говорит автор, «все решили и знали, что у больного водяная в груди и что он жить не может более нескольких часов. Однако они прописали многое» (13, 163). От этой откровенно сатирической сцены Толстой в дальнейшем отказался, и в окончательной редакции эпизода от нее остался лишь косвенный намек на алчность врачей: когда Пьер, наследник богача, проходит мимо группы врачей, врачи «почтительно замолкают» (9, 94).

И в «Войне и мире», и в других текстах Толстого врачи часто предстают принимающими деньги, что они делают с помощью определенных заученных приемов. Так, лечащий Наташу Ростову доктор «ловко подхватывает в мякоть руки золо-

той» (11, 71). То обстоятельство, что услуги врачей хорошо оплачиваются, автор называет в числе главных причин их приверженности своей профессии, бесполезность которой они чувствуют в глубине души (11,66). Врачи берут за свои услуги много денег. Автор отмечает, что графу Ростову лечение Наташи «стоило тысячи рублей» (11, 67). Лечить врачи — так это у Толстого — предпочитают богатых и знатных, вокруг которых они собираются во множестве. Бедные и низко ранжированные либо остаются вообще без медицинской помощи, либо дискриминируются. Так, в уже упоминавшемся эпизоде посещения военного госпиталя Николаем Ростовым, описана палата для солдат, где царит ужасающая вонь, где страдающему от жажды раненому не дают воды и где долго не убирают труп умершего больного (10, 132—133). Медицинскую дискриминацию солдат Толстой объясняет как социальной природой медицины (об этом речь впереди), так и ее принципиальной аморальностью, изначально заложенными в ней равнодушием к страданиям людей, предрассудками, лживостью и алчностью.

3. Мотив вредности лечения.

Наиболее частая у Толстого вариация мотива вредности лечения — авторское утверждение о вредности лекарств. Так, описывая лечение Наташи Ростовской, называет лекарства то «бесполезными», то просто «вредными веществами». При этом он саркастически отмечает, что вред от лекарств был все же «малочувствителен, потому что вредные вещества давались в малом количестве» (11, 67). Выздоровление Наташи автор представляет как происшедшее вопреки приему лекарств: «несмотря на большое количество проглоченных пилюль, капель и порошков (...), молодость брала свое» (11, 68). О том, какова была роль лекарств в выздоровлении Пьера Безухова, автор говорит еще более жестко: «несмотря на то, что доктора лечили его и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел» (12, 203).

Еще хуже терапевтов Толстого, медленно и неэффективно травящих своих больных, хирурги Толстого. Их медицинскую

деятельность Толстой настойчиво ассоциирует с убийством. Так, полевой госпиталь близ Бородинского поля, где раненому князю Андрею делают операцию, описан автором как место, где людей подвергают насилию, мучают, режут, расчленяют и убивают. Над палатками-операционными кружат вороны, а из самих палаток раздаются «то громкие, злые вопли, то жалобные стенания». Когда князя Андрея без очереди везут на операцию, один из солдат, явно воспринимающий получение хирургической помощи как врата смерти, мрачно замечает: «видно, и на том свете господам одним жить». Оказавшись на операционном столе, князю Андрей видит, как «что-то режут в спине татарина», которого держат четверо солдат. Самому князю Андрею «отрезают клоки мяса», рядом с ним отрезают ногу Анатолю Курагину (11, 253—255). Что произошло дальше с татаринком не рассказано, но рассказано, что князь Андрей и Анатолий умерли. Вообще у врачей больные чаще умирают, чем выздоравливают. Характерен в этой связи дважды повторяемый ответ медиков на расспросы Николая Ростова о том, где находится его начальник и приятель Денисов: «он должно быть умер» (10, 134).

Мотив фатального вреда медицинского лечения является основным в рассказе о болезни и смерти графини Безуховой в начале 4 тома романа (12, 4—9). Этот рассказ построен как воспроизведение светских слухов и толков. Удивление общества вызывает необычный выбор врача, произведенный Элен: «вместо знаменитых петербургских докторов, обыкновенно лечивших ее, она вверилась какому-то итальянскому доктору, лечившему ее каким-то новым и необыкновенным способом» (12, 4). Об этом враче говорят, что он шарлатан. Но Анна Павловна Шерер, опровергая это, заявляет, что Элен лечит «лейб-медик королевы испанской». В обществе удовольствием повторяют фальшивый официальный диагноз Элен — «L'angine pectorale» («грудная ангина»). Когда «графиня Елена Безухова скоропостижно умерла от этой страшной болезни, которую так приятно было выговаривать», в «интимных кружках» общества начались разговоры об обстоятельствах ее смерти. Рассказывали, что врач-итальянец «предписал Элен небольшие дозы какого-то лекарства, для произведения известного

действия», однако «Элен вдруг приняла огромную дозу этого лекарства и умерла в мучениях». «Рассказывали, что князь Василий и старый граф взялись было за итальянца; но итальянец показал такие записки от несчастной покойницы, что его тотчас же отпустили». Все знали, как с иронией замечает автор, что «болезнь прелестной графини происходила от неудобства выходить замуж сразу за двух мужей». Все знали, что причиной всему — именно своеобразная сердечная болезнь Элен, но не в буквальном смысле, не *L'angine pectorale*, т. е. стенокардия, а в переносном. И игре наименований фальшивого и подлинного диагнозов Элен все как раз и смеялись.

Из всех этих намеков и полунамеков проясняется картина происшедшего с Элен. Ее бурная сердечная болезнь с двумя мужчинами вызвала нужду в противозачаточном средстве, которым и снабжал ее итальянец. Когда же Элен все-таки забеременела, итальянец предписал ей тот же препарат в увеличенной дозе для произведения abortивного действия. От этого Элен и умерла. Характер «болезни» Элен объясняет, почему она обратилась за помощью не к конвенциональным врачам, а к «шарлатану». Конвенциональные врачи приносили Клятву Гиппократата, в которой содержалось следующее обещание: «я не вручу никакой женщине abortивного пессария»⁴. Героинь «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты» конвенциональные врачи снабжали противозачаточными средствами — похоже, что именно «abortивными пессариями». Но во времена Элен (так, во всяком случае, считает Толстой) подобное было еще невозможно.

В обществе, к которому принадлежал и которое описывал Толстой, придавали весьма существенное значение различию между конвенциональными врачами и врачами-«шарлатанами». Однако для самого Толстого это различие было ничтожным: представителей обеих этих категорий медицинских деятелей он считал в равной мере опасными вредителями.

⁴ См. в русском тексте Клятвы Гиппократата: mshealthy.com.ua/med-pom-klyatva-hypocrate.htm

4. Мотив социальной роли медицины.

В рассказ о лечении Наташи Ростовой включено следующее рассуждение автора о пользе врачей. Врачи, пишет Толстой, «полезны, необходимы, неизбежны были (причина — почему всегда есть и будут мнимые излечители, ворожеи, го-меоопаты), потому что они удовлетворяли нравственной потребности и больной, и людей, любящих больную. Они удовлетворяли той вечной человеческой потребности надежды на облегчение, потребности сочувствия и действия, которые испытывает человек во время страдания» (11, 66—67). Это рассуждение автор затем иллюстрирует на конкретных примерах. Для матери Наташи и ее кузины Сони польза от врачей заключалась в том, что они получили возможность проявить заботу о Наташе, следя за тем, чтобы она вовремя принимала лекарства. Ее отец находил для себя удовлетворение в том, что он потратил на больную дочь много денег. Жившая в доме m-me Schoss благодаря врачам собрала целую коллекцию коробочек и баночек из-под лекарств. Сама Наташа испытывала облегчение оттого, что она пыталась действовать, чтобы преодолеть болезнь (11, 67—68). На первый взгляд кажется, что Толстой объясняет потребность больных и их окружения во врачевании причинами чисто психологического порядка. Однако это не так. Толстой ссылается на «вечную человеческую потребность» во врачевании, т. е. на определенный аспект природы человека. Как известно, антропологические представления Толстого сложились под сильным воздействием философии Руссо. Как и Руссо, автора знаменитой формулы «человек рожден для общежития», Толстой полагал, что по своей природе человек социален, нуждается в участии в своей жизни других людей. Как и Руссо, Толстой считал существующее общество (цивилизацию) ложно и неправильно устроенным и потому навязывающим ложное, извращенное удовлетворение естественным (природным) потребностям человека. Вместо того, чтобы прямо удовлетворить потребность больного в заботе, общество создает социальный институт целителей, к которому принадлежат как врачи, так и знахари и колдуны, и который удовлетворяет эту потребность с помо-

щью целой системы условных, знаковых по своей природе действий⁵.

В изображении Толстого врачи прочно привязаны к аристократии, отделенной от других людей прежде всего своим условным, знаковым статусом. Этот статус предполагает обращение, в соответствующих случаях, к услугам врачей. Чем выше статус больного внутри аристократического общества, тем больше врачей, тем больше модных и высокопоставленных врачей собирается вокруг него. Высший социальный статус больного предполагает присутствие при нем лейб-медика. Если лейб-медика нет, то его выдумывают.

В самом начале «Войны и мира», рассказывая об Анне Павловне Шерер, пригласившей в свой салон аристократических гостей, Толстой пишет: «Анна Павловна кашляла несколько дней, у не был *грипп* (*грипп* был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими)» (9, 3). Называя свое легкое простудное недомогание редким и новым словом «грипп», Анна Павловна одновременно подчеркивает и свою избранность, и свое положение «бедной больной» — «*pauvre malade*». С точки зрения автора ее болезнь оказывается, однако, такой же фальшивой социальной условностью, как и привлеченный для ее описания медицинский термин. Врачи Толстого, часто применяющие социально условные, знаковые, символические методы лечения, действуют, таким образом, в обществе, в котором принято условно, знаково и символически болеть⁶.

Несмотря на то, что услуги врачей оплачиваются, они не приравниваются аристократическим обществом к наемным

⁵Об отношении Толстого к знаковой организации общества писали многие авторы. Важнейшая работа на эту тему: Krystyna Pomorska. Tolstoy — contra Semiosis. Slavic Linguistics and Poetics. Columbus, 1982, p. 389—390.

⁶Я благодарен Д. М. Сегалу, напомнившему мне об этом примере. Добавлю к сказанному, что притворная болезнь Анны Павловны предстает в романе как вещь далеко не невинная. Свою болезнь Анна Павловна объясняет нравственными страданиями («Как можно быть здоровой ... когда нравственно страдаешь», — говорит она князю Василию). Эти нравственные страдания Анна Павловна объясняет тем, что Антихрист Наполеон безнаказанно творит ужасные злодеяния, а Европа и Россия медлят начать с ним войну (9, 3—5). Насквозь фальшивая старая дева здесь занята не чем иным, как подстрекательством к войне, в качестве предлога для которого она использует свою мнимую болезнь.

слугам. Сам факт оплаты их услуг подлежит символическому сокрытию. Именно в соответствии с этим правилом действовала мать Наташи, которая «стараясь скрыть этот поступок от себя и от доктора, всовывала ему в руку золотой» (11, 68). Медицинские знаменитости вообще могут быть принимаемы в доме аристократа как равные (как Метивье в доме старого князя Болконского). Большинство упомянутых в романе врачей — иностранцы, говорящие на иностранных языках. И их повышенный социальный статус автор связывает с присущим русской аристократии представлением, что иностранное происхождение, так же как и владение иностранным языком, само по себе повышает социальный статус человека.

В разных эпизодах «Войны и мира» врачи, «доктора» выглядят и действуют более или менее одинаковым образом. Их поведение ритуализовано, потому что сущность их деятельности — знаковая. Одна из важнейших ритуальных функций врачей у Толстого — сопровождение перехода русского аристократа из мира живых в мир мертвых. Этот момент особенно очевиден в описании умирания старого графа Безухова. Комната, где лежит умирающий, превращена в подобие церкви — в ней совершается богослужение. Но активную роль в этом странном богослужении играют, наряду со священнослужителями, также и собравшиеся во множестве врачи. А кульминационным пунктом этого богослужения становится медленный выход присланного императором лейб-медика Лоррена, который торжественно измеряет пульс умирающего (9, 97).

В. Мотивы: ассоциации

Ангимедицинские мотивы ассоциируются в «Войне и мире» с некоторыми темами, которые к полемике Толстого против медицины прямого отношения не имеют. Одна из таких тем — тема притворного поведения Кутузова, развернутая в двух эпизодах романа. В первом из этих эпизодов Кутузов, выслушав сообщение генерала Раевского о том, что дать сражение французам на подступах к Москве «нет возможности», вдруг начинает вести себя, как врач: «Дай-ка руку, — сказал

он, и, повернув ее так, чтобы ощупать его пульс, он сказал: — Ты нездоров, голубчик. Подумай, что ты говоришь» (11, 273). Во втором из этих эпизодов пересказана история о том, как Кутузов избавился от вредившего и мешавшего ему генерала Беннигсена. Своего врага Кутузов отослал из армии под заведомо ложным медицинским предлогом. Как бы натянув на себя маску врача, Кутузов написал своему врагу: «по причине болезненных ваших припадков, извольте, ваше высокопревосходительство, с получения сего, отправиться в Калугу» (12, 198—199). Обстоятельства, которыми было вызвано притворное (лживое) поведение Кутузова в двух упомянутых случаях, весьма различны. Первый случай имеет характер невинной поведенческой игры. С помощью этой игры Кутузов хочет продемонстрировать, что необходимость оставления Москвы неприятелю, которую он уже осознал, но о которой он еще не готов официально объявить, является для него неприятным сюрпризом. Во втором случае Кутузов прибегает к бюрократически стандартной ложной мотивировке отстранения от должности начальника штаба своей армии. Общим элементом для обоих случаев оказывается ложь, облеченная в типическую у Толстого форму ложного поведения — поведения «доктора», который всегда лжет, будь то посредством измерения пульса или посредством медицинского диагноза.

Некоторые из проводимых через антимицинские мотивы тематических ассоциаций весьма существенны для общей концепции «Войны и мира». Такова ассоциация между *врачами и штабными генералами*. Как отмечается в рассказе о лечении Наташи Ростовской, «доктора ездили к Наташе и отдельно, и консилиумами, говорили много по-французски, и по-немецки, и по-латыни, осуждали один другого, прописывали самые разнообразные лекарства от всех им известных болезней» (11, 55). Это описание напоминает более ранний эпизод 3 тома «Войны и мира» — рассказ о совещании штабных генералов в Дрисском лагере (11, 49—52). Как и среди врачей Наташи (и вообще описанных в романе врачей), среди штабных генералов преобладают иностранцы, многие из которых не говорят по-русски. Поэтому генеральские споры, подобно врачебным консилиумам, происходят на иностранных языках.

Как врачи предлагают всевозможные способы лечения болезни, не зная ее причины, так и генералы предлагают разные планы кампании по отражению наступления Наполеона, ничего не зная о том, как будут действовать французские войска. И врачи, и штабные генералы бессильны исполнить дела, за которое они взялись, по одним и тем же причинам — потому что они ничего не понимают в существе той реальности, на которую они пытаются воздействовать. Согласно Толстому, ни лечить, ни управлять военными действиями невозможно, поскольку ни реальность болезни, ни реальность военных действий недоступны человеческому разуму, непознаваемы.

Сходная и также концептуально существенная для «Войны и мира» ассоциация связывает *врачей и историков*. Толстой вводит в роман саркастическое упоминание о том, что «многие историки говорят, что Бородинское сражение не выиграно французами, потому что у Наполеона был насморк, что ежели бы у него не было насморка, то распоряжения его до и во время сражения были бы еще гениальнее, и Россия бы погибла (11, 220). Это объяснение автор сравнивает с «выводом, который шутя (сам не зная над чем) сделал Вольтер, говоря, что Варфоломеевская ночь произошла от расстройства желудка Карла IX» (11, 221). Оспаривая эти объяснения историков, Толстой утверждает, что «ход мировых событий предопределен свыше, зависит от совпадения всех произволов людей, участвующих в этих событиях и что влияние Наполеонов на ход этих событий есть только внешнее и фиктивное» (11, 221). Историки, таким образом, оперируют фикциями и говорят на языке фикций, и поэтому далеко не случайно, что они привлекают для своих заключений язык медицины, который, по Толстому, в своем целом есть язык ложный, пригодный лишь для высказывания ложных утверждений.

Как и параллель между врачами и штабными генералами, параллель между врачами и историками коренится в фундаментальном для философии «Войны и мира» представлении о недоступности человеческому разуму причин происходящих в человеческой жизни событий, будь то болезни или события истории. В авторских историко-философских рассуждениях в романе настойчиво подчеркивается, что ре-

альностью истории являются уникальные исторические события, которые имеют бесчисленное количество причин. Но нечто подобное в романе говорится, как мы видели, и о реальности болезни, которую автор определяет как «одно из бесчисленных соединений страданий» различных человеческих органов. По отношению к будущему науки истории Толстой еще питал некоторый оптимизм, полагая, что законы, по которым совершаются исторические события, все же могут быть открыты. Медицину же он считал обреченной навеки блуждать в потемках.

Особый интерес представляет концентрация антимедицинских мотивов вокруг фигуры Наполеона. Наполеон изображен в романе как типичный толстовский «умный больной»: он совершенно не верит в медицину, но исполняет предписания врачей по причинам социально-символического порядка. В уста страдающего от насморка Наполеона автор влагает даже свои собственные антимедицинские аргументы, соответствующим образом стилизованные. Толстовский Наполеон говорит: «Этот насморк надоел мне. Они толкуют про медицину. Какая медицина, когда они не могут вылечить насморка? Корвизар дал мне пастильки, но они ничего не помогают. Что они могут лечить? Лечить нельзя». Затем Наполеон «переходит на путь определений» и раздражается философской тирадой: «Наше тело есть машина для жизни. Оно для того устроено. Оставьте в нем жизнь в покое, пускай она сама защищается, одна, чем когда вы ей будете мешать лекарствами»⁷. Но на этом Наполеон не останавливается — он «неожиданно делает новое определение»: «Вы знаете ли, Рапп, что такое военное искусство? Искусство быть сильнее неприятеля в известный момент» (11, 255).

Случайно пришедшая в голову Наполеону ассоциация между искусством врача и искусством полководца — это, конечно, авторская ассоциация, и она получает свое развитие

⁷ Согласно В. Б. Шкловскому, фраза Наполеона о теле как машине для жизни, по всей видимости, взята Толстым из «Мемориала Острова Святой Елены» графа де ла Каза, но похожая фраза есть и в читанных Толстым «Досугах» Сперанского (В. Шкловский. Материалы и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.: Федерация, б. г., с. 187.

в тексте романа также и вне поля сознания Наполеона как персонажа «Войны и мира». Поведение Наполеона перед Бородинским сражением автор сравнивает с поведением хирурга перед операцией. Наполеон, пишет Толстой, «небрежно болтал так, как это делает знаменитый и знающий свое дело оператор, в то время как он засучивает рукава и надевает фартук, а больного привязывают к койке» (11, 233—234). Под конец Бородинского сражения толстовский Наполеон «не видел того, что он в отношении своих войск играл роль доктора, который мешает своими лекарствами, — роль, которую он так верно понимал и осуждал» (11, 243). В начале чернового варианта этого эпизода сравнение Наполеона с хирургом отсутствовало, на его месте было другое сравнение: «Наполеон послал еще адъютанта осведомиться о том, что делается, с тем видом, с каким доктор щупает пульс больного, болезнь которого он не понимает» (14, 194). Однако Толстому нужен был именно Наполеон-хирург. Совершая в конце эпизода поездку по полю затухающего сражения, Наполеон созерцает результаты своей деятельности — массу искалеченных трупов. Этот фрагмент «наполеоновского» эпизода Толстой совсем не случайным образом помещает сразу же вслед за эпизодом в полевом госпитале, куда попадает князь Андрей и где врачи режут раненых. Связь этих двух фрагментов повествования подчеркнута размышлениями князя Андрея, принесенного в госпиталь. «Все, что он (князь Андрей — *В. П.*) видел вокруг себя — пишет Толстой, — слилось для него в одно общее впечатление обнаженного, окровавленного человеческого тела, которое, казалось, наполняло всю низкую палатку, как несколько дней тому назад, в тот жаркий августовский день, это же тело наполняло грязный пруд на Смоленской дороге. Да, это было то самое тело, та самая chair à saupon, вид которой еще тогда, как бы предсказывая теперешнее, возбудил в нем ужас» (11, 254). Chair à saupon — пушечное мясо — это знаменитый образ, с помощью которого Наполеон определил миссию солдат. Князь Андрей и стоящий за ним Толстой ужасаются той реальности, в которую воплощается скрывающееся за этим образом отношение к человеческому телу. Эту страшную реальность создает не только Наполеон, «предназначен-

ный Провидением на печальную, несвободную роль палача народов» (11, 259). Ее создают также и врачи-хирурги — тоже мучители и терзатели людей.

Ассоциируя Наполеона с врачами-хирургами, Толстой клеймит их как носителей враждебной человеку, жестокой, губительной, бессмысленной и основанной на произволе власти. В сознании Толстого недоверие и враждебность к власти и медицине соединены и смешаны. Соединены и смешаны они и в фигуре Кутузова, которая выступает в «Войне и мире» в качестве живой, персонифицированной альтернативы миру полководцев и врачей. Характер Кутузова, представленный в романе, сложен. Кутузов, когда это необходимо, умеет вести себя по законам людей власти, к которым он принадлежит («он любил власть, привык к ней», отмечает автор — 11, 275). Кутузов умеет показать себя хитрым и лицемерным «доктором» (соответствующие примеры я уже привел выше). Но исполняя свою миссию главы народного движения против наполеоновского вторжения в Россию, Кутузов ведет себя как бездействующий полководец, стремящийся подчиняться predetermined ходу событий и по возможности избежать вмешательства в него. Этот бездействующий полководец Кутузов предстает в романе как слабый, больной, почти умирающий старик. На уровне глубинной символики «Войны и мира» черты Кутузова-«доктора» отвеиваются, и его история превращается в величественную легенду о победе, которую одержал над жестоким, самоуверенным и здоровым врачом его тяжело больной пациент.

Г. Заключение: текст

Как писала Л. Я. Гинзбург, «подлинным откровением толстовского гения явились изображения некоторых общих психических состояний, перерастающих единичные сознания и связующих их в единство совместно переживаемой жизни»⁸. Представленные здесь наблюдения над поведением антимицинских мотивов в тексте «Войны и мира» позволяют указать

⁸ Л. Я. Гинзбург. О психологической прозе. Л., 1971, с. 318.

на специфический повествовательный механизм, с помощью которого такие изображения создавались. В повествование Толстого внедрены маленькие и невидимые семиотические зеркала, в которых отражаются и, отражаясь, соединяются мотивы, принадлежащие к далеким друг от друга (с точки зрения читателя, но не автора) тематическим областям. Люди, лошади, собаки и волки, генералы, историки, священники, солдаты и врачи, Наполеон и Кутузов, Пьер Безухов, Платон Каратаев и богучаровские мужики — все эти и другие персонажи «Войны и мира» связываются с помощью этих зеркал в ряд сверхперсональных комплексов. Такие комплексы вводят в текст не только образы тех или иных общих психических состояний, но и образы человеческих общностей самого разного рода — и интеллектуальных, и социальных, и исторических, и культурных, и национальных. Маленькие семиотические зеркала Толстого играют очень важную роль в обеспечении единства и целостности той исключительно разнородной и обширной гетерогенной картины мира, к которой реферирует текст романа Толстого. Но одновременно эти зеркала строят само романное повествование Толстого и придают структурное единство крайне многочисленным и крайне разнородным элементам этого повествования.